
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВЕРСИИ ФИЛОСОФИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

С.В. Макеев

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005

В статье рассматриваются предпосылки и основания формирования и развития технократической модели мышления; особое внимание уделяется выявлению условий и мотивов формирования субъекта технократических теорий — «компетентного эгоиста». Затрагивается также проблема специфики и классификации модусов технократического дискурса.

Теория рационального выбора является наиболее востребованной в эпоху технологических инноваций; ее суть заключается в следующей посылке: среди возможных альтернатив действия человек выбирает то, что, согласно его ожиданиям, наилучшим образом соответствует его интересам при условии заданности его личных предпочтений и ограничений внешней среды. Общая формула поведения технократического человека, согласно Г. Беккеру, такова: «Участники максимизируют полезность при стабильном наборе предпочтений и накапливают оптимальные объемы информации и других ресурсов на множестве разнообразных рынков» [1]. Отсюда предпринимались попытки переосмыслить теорию рационального выбора с позиций нормативного индивидуализма. Человек, вместо того чтобы калькулировать выгоды и издержки в каждом отдельном действии, осуществляет выбор на другом уровне, — он выбирает между правилами поведения. Причем выбор этот вполне рационален, поскольку соответствует его долгосрочным интересам. В результате формируется представление о рациональной морали, а репутация становится еще одной разновидностью человеческого капитала.

С учетом сказанного следует отметить, что с позиций технократизма в теории рационального выбора особое значение имели следующие положения:

- строгое следование принципу методологического индивидуализма;
- превращение субъективной рациональности в основу принятия решений;
- представление об автономности решений индивида, опирающегося скорее на личный опыт, чем на социальные связи;
- расширительное толкование рациональности как предсказуемого поведения, включающего следование нормам и правилам;
- отказ в мотивации поведения от гедонистических наслоений;
- ограничение предположений о степени информированности индивида.

В большинстве подобных теорий все же сохраняется рационалистическое видение усредненного подхода к человеку, из которого исходят четыре посылки рационального хозяйственного поведения:

1. Человек независим, это атомизированный индивид, принимающий самостоятельные решения, исходя из своих личных предпочтений, опирающийся, скорее, на личный опыт, чем на социальные связи.

2. Человек эгоистичен; он, в первую очередь, заботится о своем интересе и стремится к собственной выгоде.

3. Человек рационален; он последовательно стремится к поставленной цели и рассчитывает сравнительные издержки того или иного выбора средств ее достижения.

4. Человек информирован; он не только хорошо знает собственные потребности, но и обладает достаточной информацией о средствах их удовлетворения.

Таким образом, в концепциях технократизма формируется и берется за образец поведение «компетентного эгоиста», который рационально и независимо от других преследует собственную выгоду и служит образцом «нормального среднего человека». Для подобных субъектов всякого рода политические, социальные и культурные факторы являются не более чем внешними рамками или фиксированными границами, которые держат их в некоей узде, не позволяя одним эгоистам реализовать свою выгоду за счет других слишком откровенными и грубыми способами. Рассматриваемый «технократический человек» и положен в основу общей модели, на базе которой, с определенными отклонениями, построены практически все основные современные технократические теории. Хотя, разумеется, эта модель не оставалась неизменной и претерпела весьма сложную эволюцию [2].

Не менее важной генетической составляющей, оказавшей существенное влияние на формирование технократической идеи, явились представления о сущности и значении техники и ее влиянии на социум, развивавшиеся в рамках философии техники. Один из «отцов» философии техники Э. Капп попытался сформулировать концептуальный взгляд на взаимосвязь технических знаний и жизни социума. Свой философский анализ Э. Капп начинает с исследования проблемы взаимодействия между техническими орудиями и органами человека, так как именно здесь, по его мнению, возникают скорее бессознательные открытия, чем сознательные изобретения. Это проявляется в том, что в техническом «орудии человек систематически воспроизводит себя самого. И, если контролирующим фактором является человеческий орган, полезность и силу которого необходимо увеличить, то собственная форма орудия должна исходить из формы этого органа. Именно этим объясняется, что множество творений тесно связано с функционированием руки, кисти, зубов человека. Изогнутый палец становится прообразом крючка, горсть руки — чашей; в мече, копье, весле, совке, граблях, плуге и лопате нетрудно разглядеть различные позиции и положения руки, кисти, пальцев, приспособление которых к рыбной ловле и охоте, садоводству и использованию полезных орудий достаточно очевидно» [3]. В этой же работе Эрнст Капп говорит о необходимости создания новой технократической науки — теоретической инженерии, ее философского осмысления, особенно в методологическом и этическом измерении. Особо подчеркивается роль техники в социальном прогрессе и значение для общества людей, создающих технику и управляющих ею.

В свое время немецкий инженер-химик Эберхард Чиммер издал небольшую книгу под названием «Философия техники», в которой изложил технократическую мысль о том, что главная цель техники — это «материальная свобода» чело-

века, достигаемая посредством технического преодоления природы и снятия ограничений, налагаемых ею [4]. Логико-интуитивный анализ позволяет разделить концепции философии техники на две группы: инженерно-технократические и антропо-технократические. Группа инженерно-технократических концепций философии техники исторически возникла раньше. Для них характерно признание в системе «человек — техника» слабым звеном человека. Человек способен быстро уставать, психологически неадекватно реагировать на возникающие ситуации, быть некомпетентным, просто лениться и т.д. Техника в этих вопросах имеет явное преимущество. Кратко охарактеризуем некоторые инженерно-технократические концепции философии техники.

«Механическая философия» основана на том, что «натуральная» философия использует принципы механики для объяснения мира. И. Ньютон считал ошибочным замыкать «механику» лишь на изделия человеческих рук, так как он был искренне уверен в способности вывести все явления природы логически, исходя из принципов механики. Природу представители этого направления философии техники воспринимали лишь как «мощную машину». Считалось, что механистическая философия есть верное средство эмансипации человеческого духа как в сфере мысли, так и на практике — источник демократических свобод.

«Философия производства», — под таким названием шотландский инженер-химик Э. Юр — фанатичный апологет фабричной системы производства — сформулировал ряд технократических принципов относительно индустрии, использующей самодействующие машины, показал различия между ремесленным и фабричным производством, между механическими и химическими процессами, дал классификацию машин, разработал правила для изобретателя и т.д.

Существует также концепция техники, понимаемой как «сопричастность божественному творению», или «философия изобретения». Ее основатель — немецкий предприниматель, доктор прикладной физики, известный философ техники Ф. Дессауэр. Он считал, что природные законы и цели важны, но недостаточны для благополучного существования общества и человека, природу способна дополнить техника, сущность которой заключена в самом акте творчества. Развитие техники, по его мнению, есть продолжение божественного акта творения, так как изобретатель всего лишь воплощает божественную идею творения и использует создаваемые верховным существом природные закономерности. Он не изобретает, а находит. Чтобы выполнить возложенную демиургом задачу, человек-изобретатель должен иметь определенные технические знания, однако избежать заблуждений и самообманов он не может, так как круг предметов его познания сильно ограничен. Лишь определенная степень достоверности может найти свое воплощение в форме технического знания. Ф. Дессауэр различал понятие «истинности» и «правильности». Первое он связывал с божественным откровением, второе — с техническими науками. «Правильность» — истина относительная, «истинность» — абсолютная истина. Техническое знание стремится к абсолютной истине, но не способно ее достичь. Практика является критерием «правильности» технических наук.

Группа антропо-технократических концепций философии техники основывается на признании в системе «человек — техника» определяющей роли за человеком, так как предусмотреть все возможные экстремальные ситуации и обучить этому технику невозможно, и это представляет опасность для общества. А профессионально хорошо подготовленный человек может не только справиться с экстремальной ситуацией, но и, что чрезвычайно важно, избежать ее возникновения. Особенность антропо-технократических концепций состоит в том, что, признавая роль техники и технократов, представители этих концепций часто выступали против их примитивизации. В эту группу входит концепция Л. Мэмфорда, изложенная в работе «Миф о машине» [5]. В ней утверждается, что человек действительно тесно связан с земной, практической деятельностью, но его следует воспринимать не как *homo faber* (человек-мастер), а как *homo sapiens* (человек знающий, понимающий, «разумный»). Человек — не «делающее», а «мыслящее» существо, потому его отличает не делание, а мышление, не орудие, а дух, являющийся основой самой «человечности» человека. Сущность человека — не делание, не материальная созидательность, а открытие и интерпретация, так как, если бы внезапно исчезли все механические (технические) изобретения последних пяти тысячелетий, это было бы катастрофической потерей для жизни, но человек остался бы человеческим существом. Но если бы у человека была отнята способность интерпретации, то все, что мы имеем на белом свете, угасло бы и исчезло, а человек очутился бы в более беспомощном и диком состоянии, чем любое другое животное.

Л. Мэмфорд на основе своей антропологии устанавливает различие между основными типами техники: политехникой и монотехникой. Политехника, или биотехника — это первоначальная форма делания. Это тот вид техники, который находится в гармонии с многообразными потребностями и устремлениями жизни и функционирует как бы в демократической манере при реализации самых разнообразных человеческих потенций. В противоположность этому виду монотехника, или авторитарная техника, базируется на научной интеллигенции и ориентирована, главным образом, на экономическую экспансию, материальное насыщение и военное превосходство, короче говоря — на власть. Ее корни восходят к пятитысячелетней древности, к тому времени, когда человек открыл то, что Л. Мэмфорд называет «мегамашиной», т.е. строгую иерархическую социальную организацию. Стандартными примерами мегамашин являются крупные армии, объединения работников в группы, такие, как, например, те, которые строили египетские пирамиды или Великую Китайскую стену. Мегамашины часто приводят к поразительному увеличению количества материальных благ, ценой, однако, ограничения возможностей и сфер человеческой деятельности и стремлений, что ведет к дегуманизации. Результатом этого оказывается «миф о машине», или представление о том, что мегатехника неустранима из нашей жизни и в высшей степени полезна. Это миф, а не реальность, ибо мегатехника может быть устранена, ей вполне можно противодействовать.

В целом все научное творчество Л. Мэмфорда является попыткой демифологизации и раскрытия сути мегатехники с тем, чтобы положить начало фундамен-

тальной реориентации духовных установок общества, что, по его мнению, должно привести к преобразованию монотехнической цивилизации. Очень важно подчеркнуть мысль о том, что Л. Мэмфорд не является сторонником простого отвержения техники. Он ставит перед собой цель провести разумное разграничение между двумя видами техники, один из которых находится в гармонии и согласии с человеческой природой, а другой — нет. Технику поэтому следует поощрять лишь в том случае, если она способствует усилению того аспекта человеческого бытия, который Л. Мэмфорд называет «личным», но не ограничивает и не сужает человеческую жизнь рамками власти и силы.

Концепция философии техники Х. Ортеги-и-Гассета также содержит в себе ряд технократических идей, но в целом антитехнократична и опирается на несколько фундаментальных положений. Во-первых, утверждает он, техника имманентно присуща всякому человеческому началу. Во-вторых, человеческая жизнь взаимодействует с окружающими условиями не пассивно, а активно. «Я есть я и окружающие меня условия» [6], — в этом выражении «Я» рассматривается не как нечто, тождественное с самостью (идеализм), или как нечто, тождественное с окружающими условиями (материалистический эмпиризм); «Я» тождественно как с одним, так и с другим, а также с их взаимодействием. Человеческая природа, в отличие, например, от камня, дерева или животного, не является чем-то, данным одним лишь фактом ее существования. Эта природа, скорее, есть некий материал для дальнейшего творчества, поскольку человек проектирует жизнь сам, перешагивая за пределы своих природных свойств. Эта само-интерпретативная, само-творящая форма активности осуществляется через определенные стадии. Первая стадия — создание посредством творческого воображения некоего проекта или установки по отношению к миру, которые личность стремится реализовать. Вторая стадия — материальная реализация этого проекта.

Согласно концепции Ортеги-и-Гассета, человека можно определить как *Homo faber*, при этом значение термина «*faber*» не сводится лишь к изготовлению материальных объектов, но включает в себе также духовное творчество. Человек является не частью природы, а обладателем определенной идеи, способности интерпретировать, объяснять природу. Внутреннее творение создает базу для внешнего изобретения. Техника, следовательно, может рассматриваться как известный вид человеческого проектирования, но только не на строго естественных или органических основах (как у Эрнста Каппа). Человек вложил в технику столько веры, что просто забыл, замечает Ортега-и-Гассет, что быть техником означает способность быть всем, а, следовательно, быть ничем. В руках одних лишь техников, т.е. личностей, лишенных способности воображения, техника «есть лишь пустая форма — подобно всем формализованным логикам; такая техника неспособна определять содержание и смысл жизни» [7].

Концепция философии техники М. Хайдеггера базируется на онтологическом подходе, однако при этом следует учесть, что он, скорее, ставит вопросы, чем отвечает на них, видя в этом в большой степени истинное занятие философии. Современная техника, по М. Хайдеггеру, является откровением, при кото-

ром человек, с одной стороны, использует природу, не нарушая ее естественного состояния, с другой — бросает ей вызов тем, что из природного материала производит тот или иной вид энергии. Характеризуя современную технику как «откровенную», обладающую возможностью «полагания», «вызова», Хайдеггер сопоставляет традиционную ветряную мельницу и электростанцию. Каждое из технических сооружений как бы обуздывает природную энергию. Однако ветряная мельница находится в таком отношении с природой, которое дает основание сравнивать ее с производением искусства, замечает он, приспособленным к ландшафту, использующим его особенности, тогда как электростанция не передает никакого движения, а преобразовывает или высвобождает движение, затем трансформируя его. «Высвобождение, преобразование, накопление, распределение и коммутирование (переключение) — таковы пути технических открытий» [8].

М. Хайдеггер утверждает, что если реальность «позволяет» человеку манипулировать ею с помощью технических средств, то это означает, что сама реальность поощряет человека к такого рода действиям. Реальность поэтому должна нести определенную ответственность за ее же эксплуатацию человеком. В воззрениях Хайдеггера современная техника предстает как овеществленный догматизм. Она неспособна познать саму себя. Признавая значимость технократических идей, он всячески предостерегает от их абсолютизации.

Особняком от названных групп находятся труды К. Маркса. Проведенный им глубокий экономический и социально-философский анализ капиталистического (машинного) способа производства, показ разрушительной роли воздействия машины на рабочего, рассуждения о настоящем и будущем значении техники в жизнедеятельности социума стали мощным толчком к формированию технократических воззрений как самостоятельной области философской рефлексии. У К. Маркса не было специальных работ по философии техники, но в известном смысле его можно рассматривать как историческую и теоретическую предтечу философии техники. Для него техника — один из основных элементов производительных сил, прежде всего средств труда. По К. Марксу, машина обязательно имеет три составляющие части (двигатель, передаточный механизм, орудие). Однако в наше время представления о машине меняются, т.к. появились машины без передаточного механизма (реактивный самолет, поезд на электромагнитной подушке и т.д.), К. Маркс подчеркивал, что экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда [9]. В свою очередь, он выступал против технократов, доказывая, что развитие техники зависит от системы общественного производства, обусловлено социально-экономическими факторами, степенью соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил.

На этапе формирования технократической идеи в общих чертах обозначаются три дискурса знания: технократический, естественно-научный и социокультурный [10]. Технократический дискурс был основан на следующих постулатах: во-первых, современный мир — это техногенная цивилизация, мир техники, где все может быть сведено к техническим проблемам. «Технически» истолковыва-

ются все основные сферы человеческой деятельности. Наука понимается как непосредственная производительная сила, позволяющая овладеть природой. Инженерия и проектирование предназначены для создания инженерных и технических проектов. Образование — это институт, призванный готовить специалистов, которые затем будут включаться в производство, тогда как производство есть ни что иное, как техника и технические системы, а власть является институтом, основная роль которого состоит в поддержании технического развития. Во-вторых, техника представляет собой систему средств, способную решить задачи, стоящие перед цивилизацией, в том числе и те, которые порождены самой техникой [11].

В-третьих, технически ориентированное сознание человека рационально и блокирует все формы мысли, угрожающие существованию технической реальности. Техника, порождаемая рациональными операциями, также является рациональной, и решаемые ею задачи тоже рациональны: рационально больше потреблять, получать все больше информации, работать все быстрее, производить как можно больше продукции, удовлетворять постоянно возрастающие потребности и желания. Точно так же рационально выглядит и постоянный экономический рост [12].

Формой «прикрытия» технократического дискурса, внешне выглядящей как «антитехнократический дискурс», выступают публичные намерения и проекты контроля за техническим развитием. В итоге, как показывает В.П. Рачков, последнее решение остается за техникой, и нередко реальные усилия ограничиваются разговорами и бумажными проектами, что лишь усыпляет бдительность общественности. С самого начала своего зарождения техническая система ускользает из-под контроля общественного мнения; практически ни разу не удавалось сократить под воздействием общественного мнения то или иное техническое предприятие ввиду экологического риска. Господствовать над техническими средствами становится труднее не только общественности, но и специалистам. Это позволяет оценивать технократический дискурс как негативный в гуманистическом отношении. Развитие современной техники порождает стихийные негативные последствия, погружает человека в мир иллюзий и абсурда, делает нашу цивилизацию хрупкой и незащищенной [13].

Если принята программа по инвестированию грандиозных технологических цепочек, например, строительства атомного или химического комплекса, то никакие разумные доводы не в силах противостоять исполнению этой программы. И агентами этого технократического насилия выступают технократы, занимающие ключевые позиции в техноструктуре, порождающие технократическую пропаганду. Опасность технократического дискурса техники заключается в том, что он все больше и увеличивает вероятность общечеловеческой катастрофы [14].

Естественнонаучный дискурс рассматривается как частный случай технократического. Он основан на исследовании техники как некоего природного явления, подчиняющегося определенным законам как природы, так и самой техники. Этот замысел наиболее последовательно реализован в идее техноценоза.

Исследованием техноценоза занимается технетика — учение о технической реальности. Техническая реальность стала всеобщей, но ее сущность есть естественный процесс, где «вне желания человека техническое порождается техническим» [15]. Каждое новое поколение технического существует лишь как частичка какого-то зафиксированного во времени техноценоза, большая часть которого создана в предыдущие периоды. Иерархия технического образует техносферу, а глобальный эволюционизм, присущий техносфере, диктует появление другого технического, в свою очередь, переделывающего окружающее в направлении, благоприятном для себя. Технетика, по сути, исключает человека из процесса эволюции технического как технически живого. Бытие современного общества рассматривается как бытие техническое [16]. Таким образом, вводится новое интересное представление о технике и технологии, внутри которых искусственные феномены выступают как естественные.

Для социокультурного дискурса техники характерно соотнесение техники с другими явлениями социальной жизни — человеком, языком, политической, социальной и духовной деятельностью. Представители социокультурного дискурса (философы, социологи, культурологи и т.д.) сходятся на том, что техника является всего лишь средством для достижения целей, поэтому не следует как преувеличивать, так и забывать о влиянии техники на конкретного человека и общество в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Thesis. — 1993. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 38.
- [2] См.: Радаев В.В. Экономическая социология. — М.: Аспект Пресс, 1997. — С. 16—35.
- [3] Карр Е. Grundlimen einer Philosophie der Technik (1877). — Р. 44—45.
- [4] См.: Ленк Х. Размышления о современной технике. — М.: Аспект Пресс, 1996; Митчел К. Что такое философия техники? — М.: Аспект Пресс, 1995; и др.
- [5] Мэмфорд Л. Миф о машине: техника и развитие человечества. — М.: Логос, 2001.
- [6] Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. — 1993. — № 10. — С. 37.
- [7] Там же. — С. 44.
- [8] Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. — М.: Высшая школа, 1991. — С. 131.
- [9] См.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 191.
- [10] См.: Традиция и современная технология: философско-методологический анализ. — М.: ИФ РАН. 1999. — С. 25—33.
- [11] См.: Рачков В.П. Техника и ее роль в судьбах человечества. — Свердловск, 1991. — С. 32, 54—55, 98.
- [12] См.: Там же. — С. 122—123, 130, 205.
- [13] Рачков В.П. Техника и ее роль в судьбах человечества. — Свердловск, 1991. — С. 288.
- [14] См.: Там же. — С. 95, 171, 288—292.
- [15] Кудрин Б.И. Технетика: новая парадигма философии техники (третья научная картина мира) (Препринт). — Томск, 1993. — С. 31.
- [16] Там же. — С. 6, 17, 36.

CONCEPTUAL VERSIONS OF PHILOSOPHY OF TECHNOLOGICAL PROGRESS

S.V. Makeev

Moscow State Area University
Department of philosophy
Radio str., 10a, Moscow, Russia, 105005

In this work the author considers the evolution of notions about the correlation of mind and reason and their partial evolution through the correlation of rationalism and sensualism.

In this article the author considers the bases of forming the subject of technocratic theories «the competent selfish».

The historical ideas of essence and meanings of technics were considered as the genetic component, which influenced on the forming of technocratic idea.